

Часть первая

Хорошей погоды хватило только до Купалий, а потом похолодало, то и дело с неба сеяло дождем. Мальфрид начала понимать, как отличаются эти края от привычной ей земли Полянской: жаркой, яркой и щедрой. Даже нивы здесь созревали на месяц позже. Если им удавалось созреть...

И у полян случались неурожайные годы, но там посевам грозили засуха или град. Здесь же, как ей рассказала Сванхейд, нивы нередко вымачивало. Реки поднимались от обильных дождей, подмывали близко стоящие избы. Иной раз Волхов вспухал так, что в Перыни собирали совет: решать, какой жертвой утишить гнев господина вод. После таких бедствий своего хлеба оратаям хватало лишь до первого снега. В годы более благоприятные — до Карачуна или до Медвежьего дня; это считались хорошие, сытые зимы.

Сразу после Купалий начался сенокос, но приходилось выбирать погожие дни, чтобы мокрое сено не сгнило. Мальфрид по привычке все ждала летней жары, но казалось, строгая мать заперла солнце дома и не выпускает.

— Лето будет? — иногда спрашивала она Бера. — Или здесь так близко от Ледяных гор, что солнце не может согреть эту землю?

— Ты же невеста Волхова, — отвечал Бер. — Попроси его, чтобы забрал назад всю эту воду и вернул нам солнце!

Близился Перунов день, и к этому времени ждали возвращения посадника Вестима. Когда с Волхова сошел лед, тот, как и всякую весну, отправился в Киев, чтобы отвезти собранную за зиму дань. За море в Царьград, куда ее продавали, ездили от князя особые торговые люди — этот порядок Мальфрид хорошо знала. Посадник, сдав привезенное, должен был вскоре отправиться назад. Мальфрид ждала Вестима с невольным волнением. Как ни пыталась она забыть свою прежнюю жизнь, все же мысли о Киеве, о тамошних княжеских дворах и всех их обитателях не могли стать ей безразличны. Когда она думала о них, ей казалось, что там, под жарким полуденным солнцем, и сейчас обитает прежняя Малуша, младшая ключница Эльги. Как они — княгиня и ее ближники? И как... Святослав? Живет-поживает со своей Прияной, а о недолгой забаве и думать забыл? Стараются не вспоминать, чтобы не вызвать недовольство жены и гнев матери? Мысли о Святославе уже почти не причиняли ей боли: слишком далеко позади она оставила прежнюю Малушу, да и жаловаться сейчас было не на что. Почти все то, чего она ждала от Святослава, ей дала Сванхейд.

Хотела ли она на самом деле его любви? За шитьем вспоминая те дни, Мальфрид уже не знала ответа. Любила ли она его? Или видела в нем средство вернуть утраченное и отомстить злой судьбе? Ей казалось, что любила. Но знала ли она, что такое любовь?

И знает ли теперь?

Так или иначе, разрыв со Святославом причинил ей величайшую боль, какую она испытала в жизни. Разделил эту жизнь, как разлом, надвое. Она стала другой, но совсем забыть Святослава не смогла бы, даже пожелай она того. От тех дней ей остался сын. Третий сын князя Киевского, о котором тот и сам не знает. . .

Накануне Перунова дня под вечер со стороны озера показалась вереница лодий. Вестим с дружиной проехал мимо Хольмгарда к Новым Дворам на другом берегу, на полтора поприща ниже по реке. К Сванхейд он не успел заглянуть, лишь прислал кланяться и передать, что у него все ладно и киевские новости он объявит в святилище.

Перунов день, иначе называемый Бараний Рог, — мужской праздник, женщин на него не допускают, поэтому Сванхейд и ее правнучка оставались дома. В Перынь отправились только Бер и кое-кто из мужчин Хольмгарда: старик Шигберн, его старший сын Торкель, кузнец Бергтор.

— Постарайтесь там получше угодить богам, — сказала Сванхейд, провожая их перед полуднем, когда мимо Хольмгарда уже тянулись к Перыни долбленки, лодки и лодьи. — Если они не пошлют нам ясного неба, нас опять ждет голодный год.

Для жертвы Перуну в святилище три года выкармливали красного бычка: там были свои луга и загоны для жертвенного скота. Отбором новорожденных бычков, ягнят и козлят тоже занимались жрецы и потом растили их нужное время. К концу лета зерна почти нигде, кроме самых богатых дворов, не осталось, но ячмень для пива на все годовые праздники Перынь собирала еще осенью, сразу после снятия урожая. Мужчинам предсто-

яли жертвоприношения, пир, состязания у края полей, призванные отогнать зло от зреющих нив.

Ожидая вечера, Мальфрид слонялась по старому валу и все глядела с вежи на реку — туда, где за сосновым бором пряталось невидное отсюда святилище. Наверное, Перун остался доволен жертвой, думала она: с утра небо хмурилось, но к полудню прояснилось и почти весь день светило солнце.

В земле Полянской в этот день часто бывает гроза, вспоминала Мальфрид. Там Святослав приносит быка Перуну на Святой горе, а княгиня поливает молоком жертвенник, чтобы смягчить ярость грозового бога и уберечь нивы от града и грозы. Там ведь бывало, что в грозу зрелая нива загоралась от молний. Мальфрид вздыхала тайком: неужели ей никогда больше не жить в тех теплых и щедрых краях? Вот здесь, над прохладным Волховом, пройдет ее жизнь? Над серым, как это небо, ложем властелина северных вод? При ясном небе Волхов был синим, и тогда казалось, словно под ногами лежит еще одно небо, но когда наверху мрачнело, он становился серым, и мерещилось, будто и там, над головами, течет холодная хмурая река.

Но вот наконец лодьи и долбушки потянулись со стороны Ильменя вниз по течению, а значит, священнодействия окончились. Завидев знакомые хольмгардские лодки, Мальфрид спустилась на внутренний причал и сразу увидела, что лица сидящих в них довольно хмуры.

— Ну что, ты видел Вестима? — Она пошла навстречу Беру. — Что он говорит?

— Видел я и Вестима, и еще кое-кого, — ответил Бер; следы жертвенной крови на лбу и на веках, которой мажут всех участников жертвоприношения, придавали

ему еще более сумрачный вид. — Пойдем. Я помоюсь и все расскажу.

С тех пор как Тородд, второй сын Сванхейд, уехал посадником в Смоленск, Бер жил один в отцовской избе. Подразумевалось, что он вот-вот женится и в доме снова появится семья, но с этим Бер не спешил, и у него отдельного хозяйства не водилось. Там он только спал, а ел за столом у Сванхейд. Там же, благодаря простору, зимой собирались парни и девки на супрядки — здесь, подальше от своих большаков, больше плясали, чем работали. Мальфрид, едва тут появившись, взяла на себя присмотр за пожитками дяди, сама шила и чинила ему сорочки и знала, где что лежит, лучше него самого. Как и многим мужчинам, Бери куда лучше удавалось выследить зверя в лесу, чем чистую сорочку в собственном ларе.

Бер пошел умываться, и Мальфрид увязалась за ним. После Купалий она старалась не «липнуть» к нему и вести себя сдержанно, даже оставаясь с ним наедине. Он, конечно, был прав, что не дал им сотворить такое, за что им пришлось бы отчаянно стыдиться перед Сванхейд, приведись ей узнать. И лишь иногда, ловя взгляд Бера, Мальфрид понимала: он жалеет об этом не меньше нее.

Мальфрид помогла ему умыться, поливая из ковша, пока он обмывал лицо, шею и плечи. Потную, пыльную и забрызганную кровью его сорочку она бросила у двери, чтобы потом отдать в короб на мытье.

— Что там случилось? — не удержалась она, видя, что хмурость не смылась с лица Бера заодно с жертвенной кровью. — Плохие знамения?

— Да уж куда.. тролль ему в Хель! — сорвался Бер, принимая от нее рушник. — Они там чуть не подрались!

— Кто с кем? — Мальфрид вытаращила глаза.

— Вестим с Сигватом.

— Сигват был?

— А как же, жма! Объявился, пес его мать!

После Купалий в Хольмгарде так и не увидели Сигвата. Сванхейд посылала за ним в Варяжск, но его не оказалось дома: куда-то отправился и был в разъездах весь этот месяц. Никто не знал, что это означало, и Сванхейд хмурилась, не ожидая от племянника мужа ничего хорошего. Его попытка раздобыть Мальфрид в жены для сына наводила на мысль, что Сигват затеял нечто значительное. Сванхейд беспокоилась, но пока не могла вмешаться.

— Он не присватывается ли опять?

Бер только вздохнул и не ответил, но Мальфрид поняла: это еще было бы полбеды.

Найдя в ларе чистую сорочку, Мальфрид усадила Бера и стала расчесывать его влажные волосы. Бер припал лбом к ее груди и замер, обхватив ее за пояс. Он дал себе слово быть благоразумным, но сейчас ему требовалось утешение. Мальфрид гладила его по волосам, ласково перебирая блестящие пряди, потом ее ладони скользнули ниже, на его шею, на плечи, под ворот новой сорочки... Она старалась даже в мыслях не выходить за пределы родственной нежности, но это было так трудно. Все ее существо томилось от жажды любви, и постоянная близость Бера не давала этим желаниям утихнуть. Лишь от мысли о чем-то большем у нее внутри вспыхивал цветок томительного влечения, от чего теснило дыхание.

Бер поднял к ней утомленное лицо.

— Мальфи... Я же тебя просил, не делай так... — тихим охрипшим голосом протянул он, хотя на лице его отражались те же самые побуждения.

— Я любое твоё желание уважу, — Мальфрид склонилась к нему, прикасаясь лбом к его лбу, — кроме запрета тебя любить.

Бер опустил веки, будто сдаваясь; на сегодня он уже устал от споров. Мальфрид с чувством поцеловала его; он ответил ей — куда полнее, чем прежде, — а потом решительно встал и направился к двери.

Когда они пришли в гридницу Сванхейд, там уже были Шигберн с сыном и кузнец Бергтор. Оба внука сели по бокам Сванхейд, и Шигберн положил руки на колени в знак готовности начать беседу. Этот старик, почти ровесник Сванхейд, человек опытный и надёжный, много лет назад ездил послом от Сванхейд в Царьград, а потом не раз возил туда товары от имени её и сыновей. Малуша неплохо знала Стейнкиля, младшего Шигбернова сына: тот уже двенадцать лет находился при Святославе. Торкиль, старший брат, остался дома с отцом и сейчас был сотским хольмгардской дружины.

Мальфрид ждала, что речь зайдёт о Сигвате, но Шигберн заговорил о другом.

— Вестим привез нам из Киева важные новости, — начал он, посматривая на Бера и будто приглашая его подтвердить, что рассказывает всё верно. Будучи на сорок лет старше, боярин по привычке видел в старшем мужчине княжеской семьи своего вожда. — Он бывал у Святослава..

Как ни готовилась Мальфрид, а всё же при звуке этого имени невольно вздрогнула и почувствовала себя очень неудобно. К счастью, на неё сейчас никто не смотрел.

— Святослав уже не первый год подумывает о походе на хазарских данников на Оке и на Дону. Но чтобы тягаться с каганом, нужны немалые силы. Стейнкиль

и его люди еще не вернулись, и в Киеве даже не знают, когда ждать их из Критского моря назад. Цесарь не отпускает их, но платит хорошо, они и не спешат возвращаться. Святославу нужны новые люди. Он приказал, чтобы со всех подчиненных ему земель к следующей весне собрали войско для похода на Оку. Здесь этим должен заняться Вестим, а также и от вас, — Шигберн кивнул на Бера, — как от родичей Святослав ждет помощи.

— Следующим летом Святослав собирается на Оку? — Сванхейд взглянула на внука. — На Волжский путь? Это совсем неглупое решение. Как по-твоему?

— Это решение недурно, — согласился Бер. — Если отнять у кагана его данников на Оке, это ослабит его и усилит нас.. то есть русь. Но не всем этот призыв нравится.

— Сигвату не нравится, — подхватил Торкиль, крупный мужчина со светлыми волосами и длинной рыжей бородой, на уровне груди перехваченной тесемкой. — Святослав велел собрать войско со всех подчиненных руси земель, то есть и с Луги тоже.

— А Сигват начал возмущаться, — не утерпел Бер, — говорить, что Святослав не имеет права отдавать ему приказы и распоряжаться *его* данниками. Вестим ему напомнил, что он, Сигват, хоть и получает дань с Луги, звания конунга не носит и должен подчиняться ему, князьему мужу. А Сигват ответил, что он родом ничуть не хуже Святослава, что он тоже внук Хакона конунга, имеет тех же знатных предков и никому не платит дани, а значит, равен Святославу и не намерен выслушивать от него приказов.

— А что Вестим? — спросила Сванхейд, слушавшая с таким видом, как будто оправдались ее худшие ожидания.

— Он, само собой, напомнил, что Олав отдал своему брату Ветурлиди лишь право сбора дани с жителей Луги, но не подарил самих этих жителей. Что там живут свободные люди и Сигват не может помешать им идти в поход со своим князем, если они пожелают. И что если Сигват не намерен звать людей в войско, то он, Вестим, сделает это сам. А Сигват сказал, что это его земля, как это была земля его отца, и что он никому не позволит там распоряжаться.. А потом..

Бер махнул рукой: ему надоело пересказывать перепалку, суть которой всем была ясна.

— А потом встали сразу Ведогость и Остронег и велели, чтобы они прекратили, — подхватил Торкиль, когда Бер замолчал, кривясь, будто ему приходилось жевать что-то невкусное.

— Что сказали старейшины?

— Вестим уговаривал их дать людей Святославу, обещал большую добычу — серебром, мехами, скотом и челядью. Призор вроде бы не прочь, как мне показалось. Его старший брат, Требогость, ходил на греков с Ингваром и привез хорошую добычу. Так что словенские могут поддержать Вестима. Остальные пока не дали ответа. Как всегда: надобно-де с родичами совет держать, суды судить и ряды рядить..

— Плохо то, что Храбровит против, — мрачно добавил Бер. — Он и еще кое-кто. Они говорят, что не видели своего князя уже двенадцать лет. Им неизвестно, можно ли доверить ему жизнь сыновей, насколько он храбр и удачлив в ратном поле..

У Мальфрид вырвался возглас изумления — как будто кто-то усомнился, что огонь жжет. Все оглянулись на нее, и она в смущении прикрыла рот рукой. Остальные приняли эти слова невозмутимо: они-то не прожили воз-

ле киевского князя несколько лет и не знали, что если древний Сигурд Убийца Дракона провел одну ночь с мечом в постели, то Святослав готов делать это каждую ночь.

— Что он не вправе, — продолжал Бер, — требовать от них проливать кровь где-то на Оке — там и не знает никто, где эта Ока, — если он уже двенадцать лет не приносил с ними жертвы. Что он не дает им ни суда, ни даров, не разделяет с ними хлеб и стал им совсем чужим. Держит их за смердов, с которыми связан только данью.

— И Сигват, конечно, горячо его поддержал?

— Ты так хорошо все знаешь, дроттнинг, как будто была там! — с мнимым восхищением воскликнул Бер.

Но насмешка его относилась не к бабушке, а к поведению Сигвата, которое легко было предсказать.

— А Храбровит ведь собирается отдать дочь за Призора сына? — Сванхейд вопросительно посмотрела на Мальфрид.

— Да, — кивнула та, вспомнив Весень. — После дожинок.

Уважаемые семьи старались не допускать браков украдом, чтобы их не заподозрили в желании избежать расходов на «красный стол», и устраивали свадебный пир после жатвы. Весень должна была выйти замуж еще год назад, но выбор Волхова вынудил ее задержаться в девах.

— Еще он его уговорит, — мрачно предрек Бер. — Храбровит Призора. А без согласия Призора и Перыни подбить кого-то на поход будет трудно. Придется столько даров раздать, что возместит ли нам их добыча...

Сванхейд вздохнула. Настроения Сигвата ей давно были известны, и требовался только повод, чтобы скрытое пламя вышло наружу. Тот раздор, который разгорался в Поозёрье прямо на глазах, значил для нее го-

раздо больше, чем будущий поход из Киева на далекий Волжский путь.

— Вестим обещал побывать у нас на днях, — добавил Бер. — Я ему сказал, что будем рады, и все как водится.

Сванхейд кивнула. В гриднице уже сгустились сумерки: на дворе темнело, но госпожа не приказывала внести огня: мрак вокруг отвечал мраку у нее на сердце.

— Что же, послушаем Вестима. Но вот еще что, — Сванхейд взглянула на внука. — Сдается мне, что если здесь все пойдет, как я опасаясь.. Святослав уйдет на Оку и без Вестима, и без тебя.

Мальфрид с тревогой взглянула на Бера. Она ждала, что он возмутится, но тот, судя по лицу, едва ли услышал бабку.

— А еще, — продолжая вслух свои мысли, Бер повернулся к Мальфрид, — Сигват все тыкал пальцем в небеса и вещал, что боги гnevаются на Святослава за небрежение. Что они уже двенадцать лет не получают жертв из его рук и их терпение истощилось. Что эти двенадцать лет были не так уж обильны хлебом, а теперь у нас будет третье неурожайное лето подряд. Дедич ему напомнил, что толкование воли богов лучше оставить сведущим людям, но я боюсь..

Не договорив, Бер смотрел на Мальфрид. А она не решилась спросить — чего он так боится, если ему изменила обычная прямота?

* * *

Когда мужчины ушли, Сванхейд и Мальфрид еще немного посидели вдвоем. Обе молчали. Мальфрид не могла разобраться в своих мыслях — чего опасаться, на что надеяться? — но не задавала вопросов. О Свято-